

Письмо С. Розову*

*Вступительная заметка, публикация и комментарии
Ю. Левинга*

ПАЛЕСТИНСКОЕ ПИСЬМО В. НАБОКОВА

<Муж> стал более осторожен.
Сейчас он ни за что не написал
бы подобное письмо¹.

Вера Набокова

Переписка Владимира Набокова с Самуилом Розовым (1900—1975), продолжавшаяся почти четыре десятилетия, была найдена в 1997 г. в семье сына последнего в г. Хайфе. Друг детства, бывший одноклассник Набокова по училищу им. князя Тенишева в Петербурге, С. Розов уехал в Палестину в 1924 г. К счастью, наследникам Самуила, по-русски уже не читающим, имя Набокова было знакомо: перешедшие по наследству издания «Ады» и «Лолиты» до сих пор хранятся в семейной библиотеке, присланные великим писателем XX века. Чудом сохранилась и тонкая папка с перепиской друзей². Письма Муле (как любил называть Набоков друга) разрушают миф о холодном и неприступном Сирине — миф, сформулированный

* © Vladimir Nabokov's Letter to S. Rosoff by permission of the Estate of Vladimir Nabokov. All rights reserved.

Орфография письма приведена в соответствии с современными правилами. — Ю. Л.

¹ Комментарий Веры Набоковой после прочтения ею копии письма 1937 года, присланной в 1971 г. Розовым для А. Филда (Field A. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977. P. 127).

² Всего найдено 12 оригинальных писем В. Набокова с 1937 по 1976 гг. и три черновика ответных писем к нему С. Розова 1960—1970 гг.

отчасти эмигрантской критикой, отчасти под влиянием литературного образа самого писателя.

«Пламенный сионист», по определению Набокова, Муля Розов происходил из семьи бизнесмена Израиля Аншеловича Розова, соратника В. Жаботинского³. Тетка Самуила, Фира Розова, была некоторое время невестой легендарного Й. Трумпельдора⁴; сестра Самуила, Герцлия Розова, служила личным секретарем В. Жаботинского в годы его эмиграции.

Поскольку весь русский архив С. Розова пропал, остается лишь гадать, что именно содержалось в исчезнувших бумагах петербуржца, который был дружен с поэтами и писателями, например, Довидом Кнудом, гостившим у него в 1950-е гг., Артуром Кёстлером, с которым он активно переписывался. Розов-младший вспоминал, как после смерти отца в 1975 г. он выбросил огромный мешок с бумагами, не предполагая, по его словам, что когда-нибудь рухнет коммунизм и исследователям понадобятся эти документы эпохи⁵.

Общение с Розовым до конца жизни оставалось для Набокова как бы дверцей в тот самый потерянный рай детства, который он сконструировал в своем творчестве. Повествовательная ткань письма 1937 г. не укладывается в рамки одного эпистолярного жанра, контаминируя мемуары и художественную прозу, и напоминает (а несколько раз буквально дублирует) описание детства в романе «Дар», а также пассажи из автобиографии «Другие берега». Характерный пример из письма к Розову: «Весной учителя, помню, пропускали уроки, оставляя как бы квадраты голубого неба с футбольным мячом, падающим из голубизны». Соответственно в «Даре»: «...в последних числах марта<... В классе было отворено большое окно<... учителя пропускали уроки, оставляя вместо них как бы квадраты голубого неба, с футбольным мячом, падавшим из голубизны»⁶.

³ См. также: *Zavvalov-Leving Y. Samuil Izrailevich: Pnin's Character, Nabokov's Friend // The Nabokovian. 1997. № 39.*

⁴ Брак по какой-то причине не состоялся, но, согласно семейной легенде, в память об этом остался ремень, якобы подаренный женихом. Подробнее об истории несостоявшегося брака в биографии Й. Трумпельдора: *Ласков Ш. Трумпельдор: история жизни (иврит). Иерусалим, 1995.*

⁵ Интервью с Арье Розовым (р. 1925, Тель-Авив). 1.03.1998.

⁶ *Набоков В. Дар // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 96.* Далее цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

Первая глава «Дара» была начата в августе 1936 г., а в апреле 1937-го, несмотря на еще не оконченные остальные, опубликована в журнале «Современные записки». Вторая глава, часть об азиатском путешествии Годунова-Чердынцева-старшего, была начата еще в июне 1935-го, тогда как работа над третьей продолжена лишь в середине октября 1937 г.⁷ Именно в этот период, во время работы над «Даром», в Каннах пишется письмо к Розову.

Без текстологического анализа набросков из закрытого для доступа архива Набокова сейчас затруднительно с точностью утверждать, что было написано раньше: письмо другу или перекликающиеся с ним места в романе. Однако важный вывод можно сделать уже сейчас: автор настолько полно отождествляет себя с героем, что отдает ему фрагменты своей биографии, перенося воспоминания из школьного детства в прозу почти без изменений. Отметим тонкую стилистическую фактуру письма Розову в целом, насыщенного автоцитатами и небывало щедрого на откровения. Достаточно открыть опубликованные тома переписки Набокова, чтобы убедиться в контрасте с посланиями другим корреспондентам, количество которых с годами фантастически росло⁸.

В нынешней публикации впервые воспроизводится целиком⁹ письмо Владимира Набокова по оригиналу, посланному им в Палестину 4 сентября 1937 г. из Европы. Рукопись из шести страниц, покрытых бисерным почерком, возможно, самое объем-

⁷ *Boyd B. Chronology of Nabokov's Life and works // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York; London, 1995. P. XXXIX.*

⁸ До сих пор письма В. Набокова были опубликованы в трех главных трудах. Один на русском языке: Переписка с сестрой (Ann Arbor, 1985) и два на английском: *Selected Letters 1940—1977* (San iego, 1989); *The Nabokov—Wilson Letters: Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson, 1941—1971* (New York, 1979).

⁹ В начале 1971 г. Розов, выполняя просьбу Набокова снабдить его первого биографа информацией о совместных тенишевских годах, прислал копию письма 1937 г. в Монтрё. Набоков, с восхищением перечитавший послание, обнаружил, что некоторые детали уже успели забыться (*Nabokov V. Selected Letters 1940—1977. P. 478*). В переводе на английский Д. Набокова в том «*Selected Letters*» включены три письма В. Набокова С. Розову, написанные в 1970-е гг.). Копией письма, дающего обильный материал для реконструкции школьных лет писателя, пользовались во время работы над своими книгами оба набоковских биографа, А. Филд (Р. 112, 123, 125, 126, 137) и Б. Бойд (Р. 87—89, 101—102, 129).

ное и в художественном плане наиболее ценное из писем Набокова европейского периода (исключим послания к родным). Палестинское письмо Самуила Розова, датированное 1936-м, ставшее своеобразным детонатором и вызвавшее бурю эмоций у Набокова, обнаружено недавно Максимом Д. Шраером в Библиотеке Конгресса (Вашингтон), и готовится нами к печати¹⁰.

Публикация построена таким образом, что «центр тяжести» переносится в основном на корпус комментариев, содержащих необходимые отсылки, указания на набоковские реминисценции, библиографию, архивную информацию.

Благодарю наследников корреспондентов, Дмитрия Набокова и Арье Розова (ныне покойного), давших в свое время любезное разрешение на публикацию письма. Настоящий расширенный вариант ранней статьи «Литературный подтекст палестинского письма Вл. Набокова. К столетию со дня рождения Вл. Набокова» (Новый журнал. 1999. № 214. С. 116—133) стал возможен после архивных изысканий в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в апреле-мае 1999 г. Автор благодарен сотрудникам архива за предоставленные ему для работы исключительные условия, а также Набоковскому Фонду и В. П. Старку за приглашение принять участие в Пушкинско-Набоковской конференции (Пушкинский Дом, РАН). Печатается с согласия редакции «Нового журнала». Подробнее о дальнейшей переписке Набокова и Розова см. нашу публикацию: Набоков, который рядом (Письма к С. И. Розову: 1945—1976) // Иерусалимский журнал. 1999. № 2. С. 142—160.

¹⁰ Владимир Набоков передал часть личного архива в Библиотеку Конгресса в 1958 г. Среди прочих бумаг туда попало также письмо от Розова. Говоря в предисловии об участии некоторых дорогих для его отца экземпляров, Дмитрий Набоков имеет в виду, скорее всего, именно это: «Исключительное письмо из Израиля, дошедшее, но безнадежно затерянное много лет назад, было среди тех [пропаж], что доставляли Набокову особенную досаду» (Selected Letters 1940—1977. Р. XVI). Розов обычно не оставлял копий своих писем; не было оно представлено ни для биографии, готовившейся Филдом еще при жизни писателя, ни для поздней биографии Бойда.

Дорогой друг,

не могу тебе сказать (нет, положим, — могу), как разогрело меня твое милое, прелестное письмо. Только почему ты пишешь на *вы*? Ты из немногих людей, с которыми я хотел бы остаться на *ты* навсегда. Я иначе не могу к тебе обращаться.

Несколько раз за все эти годы я слышал о тебе (знал уже в общих чертах где ты, что ты, как ты). А последний раз мы с тобой виделись в Лондоне² (по улицам которого ты в первый день по приезду повез на велосипеде свою маленькую сестру, посадив ее на руль!³), где играли как-то на бильярде с Пинесом и где ты мне оказал очень большую услугу, одолжив свой школьный диплом: я показал его в Кембридже, соврал, что у меня точно такой же (мне даже кажется, что его просто приняли за мой собственный), это освободило меня от вступительного экзамена⁴. И тогда-то я тебе читал какие-то свои стихи в ультрарусском духе, ты их охаял.

Когда мы с тобой уже были постарше, в старших семестрах (в первые [*начальные* — зачеркнуто] годы школы, казавшиеся нам столь невероятно двузначными!), ты и я очень любили посещать зал маленьких (которые как-то по-птичьи, все вместе, пищали, метались, хватали иногда за рукав, пестренький пронзительный гомон⁵, в котором проплывала голова в седом пуху — как его звали, этого воспитателя маленьких, этого тоже маленького старика? — [*видишь, и я тоже имена забыл* — зачеркнуто и сверху написано: *Николай Платоныч!*]) и с каким-то странным удивленьем (восхитительно-грустный оттенок которого я потом часто в жизни испытывал, — прости скобки, но мне нужно очень много вместить) ты говорил: «Неужели и мы были так недавно такими?»

Я людей делю на помнящих и не помнящих, первые всегда лучше вторых. Ты принадлежишь к первым, — к первым из первых. Как эти доски, которые ты вспомнил, хлопали под ногами!⁶ В «физическом» классе стоял скелет — как это ни странно, — девичий⁷. Первые опыты в «лаборатории» — произрастание горошинки, виноградный сахар, синева крахмала, чудо лакмусовой бумажки. И дальше вглубь: «лепка», пыльные образцы, пластилиновая ящерица; и «ручной труд»⁸ — запах клея и краски, аппетитное чувство хорошо берущего рубанка, шуршанье наждачной бумаги о дерево, маленькие геликоптеры⁹, которые почему-то назывались «мухи», взлетающие к потолку, — я до сих пор чувствую между ладоней поворот стерженька — и потом — жик!

Ты был вениамином училища¹⁰. Ты ходил в котиковой шапке с ушами. Когда натыкался на какую-нибудь трудность в задаче, быстро как-то хватался за уголки рта. Щербинка восьмеркой на носу, сбоку. Прекрасные, умные глаза. Желтоватый, коротко стриженный, — а потом ежом, под Керенского¹¹ (который теперь трогательно радуется, когда я рассказываю о таких вещах или напоминаю ему стихи Каннегиссера: свобода, свобода, свобода¹², Керенский на белом коне...) Я немного завидовал тому, как тебя все любили — и тому, как ты нес это так легко, как бы не замечая. Я помню твою мать (имя Сарра, отчество не помню¹³), такую же маленькую, как ты.

Попов! Пущка нашего детства, единственный человек, которого я в жизни боялся. У отца его было извозное дело¹⁴, и мальчиком (т. е. он никогда не был мальчиком, а всегда чудовищем) Попов для развлечения <здесь и далее подчеркнуто Набоковым. — Ю. Л. катался на ломовой телеге по Большому проспекту. Помнишь, как он ходил, руки до колен, громадные ступни в сандалиях едва отделяются от пола, на низком лбу одна-единственная морщина: непонимания полного и безнадежного, непонимания собственного существования. Весь в черном, черная косоворотка¹⁵, и тяжелый запах, сопровождающий его всюду, как рок. Даже в зрелом возрасте я иногда вижу в кошмаре, как Попов наваливает на меня¹⁶. Он бежал на войну — и вдруг появился в гусарском ментике¹⁷, раненный в зад. Думаю, что он теперь давно сложил где-нибудь глупую и буйную голову.

Кое-кого я впоследствии встречал снова, кое о ком слышал. От Шустова лет семь тому назад получил потрясающую записку из каких-то северных дебрей — он там воевал в дни Юденича¹⁸. Стоянович убит где-то на юге. Однажды, кажется, в 25 году, ввалился ко мне Шмурло¹⁹, прибыв из Сибири, — хам хамом, с какой-то бодрой черносотенной искоркой в глазах — и абсолютно ничего не помнящий из школьной жизни, даже своих тогдашних стихов:

Ты шла походкой герцогини,
в своих руках букет неся,
лиловый, красный, желтый, синий,
благоухающая вся!!!

В Берлине он жил у приятеля-гинеколога, спал на какой-то гинекологической мебели и весь день пил водку, которую сам делал. Затем он преуспел в Африке, на Côte d'Ivoire — и вдруг снова появился — сперва позвонил по телефону, но я был уже не так глуп и, сославшись на грипп, избежал его²⁰.

А как-то раз в 28 году вдруг звонок, и входит что-то очень знакомое — в первую минуту, в полутьме, мне даже показалось, что вообще никакой перемены нет: Неллис²¹. Мы любили его стравливать с бедным Шустовым²² — деликатное заикание первого против взрывающегося заикания второго²³. Стали с ним вспоминать. Главное и, кажется, единственное, что он помнил, это то, что «мы с тобой были в классе единственные с автомобилями»²⁴. Причем он это так сказал, как будто это крепко и навсегда нас связывало! На прощание заметил несколько wistfully²⁵, что встреча встречей, а вот кто-то из бывших товарищей, с которыми он тоже так встретился впоследствии, никогда ему даже и не позвонил потом. «Автомобиль» меня так испугал, что я полностью оправдал его опасение.

Кянджунтцева²⁶ я часто видел в Париже. Ты прав насчет карт, но вместе с тем в нем смешно-привлекательно то, что он ничуть, даже физически (так, немножко лицо [синее?]) не изменился. Я редко наблюдал такую инфантильность²⁷. Запросов никаких. Ничего не читает и не знает. У него кинематограф в Париже²⁸, я там раза два был с ним: с волнением следя за действием, он переживал фильму, как дитя, делая догадки насчет того, как дальше поступит герой, недоумеая по поводу нерасторопности одного, доверчивости другого — и даже выкрикивая какие-то предостережения. Там же в Париже я видел и Лилиенштерна, больше чем когда-либо похожего на добренькую лягушку²⁹. У него была тяжелая романтическая история: его невеста предпочла ему другого — и он об этом трогательно и длинно рассказывает. Первоклассный шахматист. Он устроил «банкет» тенишевцев, чтобы меня «чествовать». Было человек двенадцать³⁰ — большинство я помнил смутно. Был довольно противный, с глазами навывкат и челюстью вперед, кудреватый Рабинович³¹ и тот младший Гуревич³², на которого раз зря наскочил Сидоров в качестве директора (из-за чего мы его и сместили, — писали манифест на квартире у Бекетова³³). Была также и приبلудшая «тенишевка», плод более поздних времен. Лилиенштерн сказал трогательную и милейшую речь, причем Саба и его сестра тряслись от рыданий!

Встречал я и другого Рабиновича, из старших классов, толстого химика и поэта (писал в классическом духе «звучные» стихи под псевдонимом Раич³⁴), однажды съездившего (в 28 году) в Петербург и там встретившего на Моховой³⁵ старичка Педенко³⁶, который будто бы обнял его. Ну, еще — Савелий Гринберг³⁷ (гораздо старше нас), очаровательнейший человек, с которым я очень дружен. Недавно ездил с ним в Кембридж, чтобы взглянуть на старые милые места, где мы с ним вместе

учились³⁸. Но этих опытов делать не следует. Я этим убил наповал свои кембриджские воспоминания³⁹.

Помнишь, нас с тобой забавляло, как менялись некоторые по мере нарастания семестров — как Холмогоров⁴⁰, бывший в обществе паяцем и гримасником, обратился в тихоню, а как Окс⁴¹, наоборот, бывший сначала незаметным, вдруг стал главным развлекателем и остроумцем. У него была хорошенькая сестра Тамара, увлекавшаяся [нрзб.]. Окс первый открыл мне существование «домов, где красивые женщины отдаются всякому, кто пожелает»⁴² — я даже помню, где он говорил это, — я поехал с ним на извозчике как раз мимо Зингера (такой стеклянный глобус в небе⁴³). По этому же поводу я помню, какое впечатление на тебя произвел рассказ Чехова «Без заглавия» [первоначально написано *названия*, зачеркнуто и исправлено на *заглавия*] и как ты все повторял фразу оттуда «эта полутолая, соблазнительная гадина» — и как мы завидовали беглецам!⁴⁴ А разве лицо Митюшина⁴⁵ с прищуренными глазками и в голубой рубашке не запомнилось тебе — и приземистый Шустов, с которым он сидел рядом на задней скамейке, и толстый, мирный Меерович (на уроках Закона Божьего просивший неизменно разрешения у батюшки остаться в классе, так как был неохоч до шума)⁴⁶, и Харузин⁴⁷, телосложением похожий на рыбу (это ты как-то отметил), и здоровяк Херкус⁴⁸, и Гордон⁴⁹ (наклонно вперед выбрасывавший руку и подпиравший ее другой и как-то хищно-весело оглядывающийся на тех, которые не знали, и остававшийся в таком положении, пока не вызывали его) и еще, и еще... и даже потом загадочный Гроссман, которого мы не застали (или ты застал, а я нет), когда поступили, но который долго оставался (как некая «мертвая душа») в классном списке. И те, которые, как в мох, проваливались в предшествующий класс и очень скоро перенимали его окраску, и те, военного времени, случайные как бы пришельцы, и тот мудрый и лохматый (запамятовал фамилию⁵⁰), поступивший в самом, самом конце: в революцию, на Марсовом поле, он забрался на платформу (из ящиков), чтобы произнести пламенную речь (был кадет), и после первого же слова был с платформы сбрит...

А учителя! С невероятной тщательностью, специально для него намоченной губкой, синеглазый, с ассирийской бородой⁵¹ Фихтенгольц⁵² вытирал доску и потом по этой блестящей черноте божественно округло выводил белейшие цифры⁵³. Кавун, у которого опыты не удавались — и который жулил, чтобы удавались, а потом вдруг в день взятия Перемышля⁵⁴ сел за пианино и высоко сыграл гимн⁵⁵. Гиппиус⁵⁶ в двух жилетках⁵⁷, выплевывающий ямбы: яд-каплет-сквозь-его-кору...⁵⁸ Пышный

Вроблевский⁵⁹ (специалист по тополям и кипарисам — но довольно бесталаный), садившийся рядом, чтобы помочь с орнаментом, — я как сейчас вижу бараньи крайние завитки этого орнамента и сильную тушевку. Учительницы гимнастики (которых терроризовал Попов, — особенно весной, когда это происходило во дворе) и потом заменивший их ловкий, ладный господин с перстнем. И Розенталь⁶⁰, не совсем как бы сбросивший скорлупу шестнадцатого семестра. И чудные наши дамы, — Вера Леонидовна⁶¹, казавшаяся красавицей по сравнению с другими учительницами, — и синенькие книжки с бесконечной повестью Мериме «Colomba»⁶².

О футболе тенишевского периода я не раз упоминал в своих романах⁶³. (Вообще: довольно расточительно по ним рассказывал свои школьные воспоминания — от розового мыла и шлепко-тяжко-мокрого полотенца в уборной⁶⁴ до безмолвной с поднятой рукой фигурой опоздавшего за стеклом двери⁶⁵.) Я потом много играл в Англии и в русской команде в Берлине до 1932 года, когда меня замертво унесли с поля⁶⁶, — но все-таки наиболее волнующими остаются школьные игры. Ты, бывало, как маленький лев, кидался на Попова (у которого был всего один удар — свечка, слышу, как его страшная ступня бухает вверх по мячу, вижу, как мяч поднимается...) ⁶⁷ Разнообразный состав голов (от гол, не головы): пасть выходного тоннеля на улицу (с двумя тумбами по бокам) и дверь, или в отдельном дворе, составлявшем нашу крайнюю мечту в детстве⁶⁸, — дверь и железная решетка, за которой ступеньки вели вниз под навес (с острым железным углом, о который рвался и лопался резиновый мяч, — но еще долго потом мертвый, мертво-шлепающийся, был пинаем и мучим⁶⁹). Когда играли в первом месте, то иной удар завершался исчезновением за боковым забором⁷⁰, на котором с шарахающим звуком кто-нибудь повисал, пока другой бежал кругом в соседний двор. Горячий шлеп мяча во всю мою голкиперскую ладонь, черные следы от него на лбах... Особый грохот под ногами на железных крышках в некоторых местах двора. Билинский⁷¹, ведущий мяч, ловко орудует тонкими, но невероятно сильными ногами, — прямые руки быстро двигаются, спина совсем круглая — и вот шутует по голу⁷². Весной учителя, помню, пропускали уроки, оставляя как бы квадраты голубого неба с футбольным мячом, падающим из голубизны⁷³. Этот настоящий футбольный мяч с красной печенью под шнуровкой кожаного корсета⁷⁴ был не чета резиновому (от «Треугольника»)!. Весенняя пыль, какая-то раскрытость воздуха, яркость звуков, усталость в ногах, звон в голове. «Мяч в руки» или, как говорили шутники, «руки в мяч».

Метафизически мне часто потом в жизни, да и тебе, конечно, тоже приходилось ждать «пенделя» — а судьба ведь бьет метко, не всегда защитишь. Ты держишься, держусь и я.

Хорошо ты напомнил мне вкус нашего знаменитого пирога, с мясом и капустой. Дикая торговля «горбушками» — в младших семестрах. Любовь Пинеса⁷⁵ к соли. Студень киселя и алюминиевая ложка, на стене были какие-то сырые разводы, возбуждавшие у остряков похабную и невероятную догадку о мужской силе Линстера⁷⁶. А помнишь, как-то раз появилась простокваша в баночках и между столами, внимательно и уже безнадежно следя за впечатлениями, прохаживался представитель этой простокваши — и все нарочно плевались — но, я помню, ты уловил его грусть.

Много еще таких страниц я мог бы написать, а между тем это такая ничтожная малость — обивки, пух от страшно трепещущего существа, которое на минуту удерживаю в руках⁷⁷. Я хотел бы еще знать о тебе, ты очень мало написал. Нахожусь от тебя в каких-нибудь трех часах езды, правда аэропланом. Все эти годы глупейшей заботой моей была житейская борьба с нищетой⁷⁸ — а так жизнь шла счастливо. Сейчас живем (я женат, у меня сын прелестный, более чем упоительный⁷⁹) в Канах⁸⁰. Что дальше будет, совершенно не знаем, во всяком случае никогда не вернусь в Германию. Это мерзкая и страшная страна. Я всегда не выносил немцев, немецкий скотский дух, а при теперешнем их строе (наиболее, кстати, для них подходящем) жизнь и вовсе стала там нестерпимой для меня⁸¹ — и не только потому, что я женат на еврейке⁸². Вот перечел и вижу, что еще много пушка не подобрал. В памяти все еще продолжается трепет, мечтательное раздражение. Жужжащий лиловатый свет в классе в темные зимние утра, когда все как-то смугло, и немножко поташнивает⁸³. Литературный журнал с гектографическими стихами⁸⁴, странная атмосфера «вечеринок», когда все освещено иначе, — за окнами ночь, и классы кажутся какими-то отрешенными, ушедшими на покой, и все как-то по-другому, гулко и грустно. Рашаль⁸⁵, с пафосом читающий Надсона: «и оборвется жизнь как там-та-тата нить!»⁸⁶, маленький географ Мальцев⁸⁷, вдруг не выдержавший нашего поведения и расплакавшийся: отошел к окну и водил по стеклу пальцем, как обиженный ребенок. Господин, который недолго и неудачно преподавал историю искусства — «уточнение колонн». Ах, вот кого я еще как-то встретил — толстого, круглолицего, с новой американской фамилией, ловкий и краткий, прямо из Холливуда, Иоголевича⁸⁸. Забавный, кстати, сон: всех нас в теперешнем виде посадить в класс (если влезем) и задать

задачу из последней страницы задачника (там, где он становится болтливым фантазером, войдя во вкус) или спросить родословную русских князей...⁸⁹

Не прошу прощения за такое длинное письмо — потому что кажется все-таки оно вышло довольно для нас с тобой интересным, что-то удалось сберечь — и за то спасибо. Крепко-крепко жму, милый, твою памятную руку. Хорошо бы встретиться когда-нибудь!⁹⁰

Твой В. Набоков

КОММЕНТАРИИ

¹ Hôtel des Alpes в Каннах, на пересечении rue St. Dizier и rue Georges Clemenceau на окраине старого города. Б. Бойд утверждает, что Набоковы сняли недорогую двухкомнатную квартиру на rue Georges Clemenceau, 81, напротив отеля и переехали туда уже в конце июля (*Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton, 1990. P. 441. Далее — VNRY*). Таким образом, набоковская помета локализует место написания письма не вполне точно.

² Семья И. А. Розова не сразу попадает в Палестину. Подобно Набоковым, которые 27 мая 1919 г. из Крыма через Грецию прибыли в Лондон, Розовы в июне того же года оказались в английской столице, куда Израиль Розов, бывший представителем нефтяной компании «Шелл» в России, заблаговременно сумел перевести часть своего солидного состояния. Именно в Лондоне в конце июня 1919 г. пути одноклассников вновь пересеклись. Розов остался учиться в Лондонском университете (который закончил в 1923 г. с дипломом инженера), Набоков переехал в Кембридж.

³ Младшая сестра Мули — Герцлия Розова (Левина) (1905—1977) действительно, по воспоминаниям родственников, ездила по Лондону в школу на велосипеде.

⁴ При поступлении в Кембридж Набоков позаимствовал у школьного товарища его тенишевский диплом.

⁵ Ср. параллельное место в романе «Дар»: «где-то <... шальные воробы, и все вместе, в перебивку, до одури звонко: большая перемена у маленьких» (III, 63).

⁶ Из уст Набокова, заметившего в «Весне в Фиальте», что память — это «длинная вечерняя тень истины» (IV, 312) и позже целую книгу озаглавившего «Speak, Memory», подобная похвала особенно ценна. Детали вроде скрипа, хлопанья половиц сам Набоков часто вводил в собственные произведения. См., например, рассказ «Рождество» (1925): «...так весело выстрелила под ногой половица» (I, 320). Набоков реагирует ниже на следующее место из письма Розова 1936 г.: «Помните, какая была холодная оранжерея (с бассейчиком), по которой бегом (по деревянным досточкам) неслись в зал для “ручного труда”, анатомии и физики».

⁷ Скелет использовался в качестве наглядного пособия на уроках по анатомии. Перекрестные мотивы кости и плоти, «любовой» связи между скелетом и живым человеком, обыгрываются Набоковым в раннем рассказе «Месть» (1924). Профессор подкладывает в постель своей жене-изменнице скелет горбуна, приобретенный за границей для университетского музея, а та, найдя его под одеялом, умирает от шока. К интерпретации рассказа Геннадием Барабтарло добавим, что тема «скелета» у Набокова, вероятно, происходит именно из тенишевского инцидента. См. русский вариант статьи Г. Барабтарло «Призрак из первого акта» (*Набоков В. Неизданное в России* // Звезда. 1996. № 11. С. 140—145).

⁸ Ср. с фрагментом воспоминаний бывшего тенишевца Е. М. Крепса: «В субботу последним уроком был ручной труд — столярное дело. Руководил уроком учитель Е. К. Соломин, сам большой мастер<... Под руководством Егора Константиновича мы начинали с простых легких вещей, а затем делали все более и более сложные — полочку, ларец, и т. д. Нас учили делать все правильно, технично» (*Гаген Т. «Принимаются дети всех вероисповеданий и сословий»* // Учительская газета. 1990. № 3). Напротив, Осип Манделштам к «ручному труду» относился без восторга: «Мы задыхались среди стружек и опилок, не умея перепилить доску. Пила завертывалась, рубанок кривил, стамеска ударяла по пальцам; ничего не выходило» («Тенишевское училище», 1925).

⁹ helicopter (англ.) — вертолет.

¹⁰ Вениамин («сын правой стороны», «счастливый», «удачливый») — в библейском повествовании родоначальник одного из «колен Израилевых», младший из двенадцати сыновей Иакова. Племя Вениамина отличалось особой воинственностью и давало израильскому войску искусных лучников.

¹¹ А. Ф. Керенский был хорошо знаком с семьей Набоковых. В 1937 г. В. Набоков часто виделся с Керенским во Франции. Последний был в числе немногих друзей писателя, присутствовавших 11 февраля на чтении Набоковым эссе о Пушкине, когда в зале также присутствовал Джеймс Джойс и венгерская футбольная команда. В апреле в Париже Набоков обедал в компании А. Ф. Керенского, М. Алданова, Г. Вернадского и И. Фондаминского. 15 мая 1940 г. Набоков, перед самым отплытием из Европы, позвонил Керенскому, чтобы попрощаться; в это время у него были Бунин и чета Мережковских.

¹² Каннегиссер Леонид Иоакимович (1896—1918) — поэт. 30 августа 1918 г. убил М. С. Урицкого, председателя Петроградской ЧК. Стихотворение Каннегиссера «Смотр» об А. Ф. Керенском, цитируемое Набоковым в письме («О голос — запомнить навеки: / Россия, Свобода, Война»), содержит также строку «Керенский на белом коне».

¹³ Сарра Абрамовна Розова.

¹⁴ Личная регистрационная карточка Григория Попова (р. 21 января 1898 г.) в тенишевском архиве и адресная книга «Весь Петроград» не подтверждают эту информацию: отец Попова Николай Александрович был скульптором и потомственным почетным гражданином.

¹⁵ Одноклассник Григорий Попов выведен у Набокова в рассказе «Лебеда» (впервые: Последние новости. 1932. 31 января) под фамилией Щукин: «...Щукин, бритоголовый, в черной саржевой косоворотке, начинал в третий

раз с какой-то *безнадежной бодростью*: “Муму”... Произведение Тургенева “Муму”...» (II, 356). Классный наставник был низкого мнения об успехах Попова в 1912—1913 учебный год: «...пробелы в прошлом и недостаточное развитие при небольших способностях не позволили ему пополнить все недочеты. Внешне груб» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248). Кроме Щукина, Попов послужил также прототипом для ряда других набоковских образов: Колдунова в «Лике», Кошмаренко в «Зуде», Капшмарина в «Соглядатае», Петрищева в «Защите Лужина» и неназванного по фамилии одноклассника Падука, «свирепого обезьянообразного молодчика» в романе «Bend Sinister» (Набоков В. Bend Sinister: Романы. СПб., 1993. С. 358).

¹⁶ Ср. в «Лебеде»: «На перемене Щукин, *самый сильный, грубый и отсталый в классе*, подошел и, осклабясь, сказал: “Ну-ка, покажи бокс”. “Оставь”, — тихо ответил Путя. Щукин засопел и дал ему под микитки. Путя обиделся и прямым ударом, как учил француз, разбил Щукину нос<...> Оправившись от удивления, Щукин *навалился* на Путя и молчка его заломал» (II, 355).

В архивах Тенишевского училища сохранился классный журнал за 1914 г., в котором оставшийся безымянным учитель упоминает всех троих — Розова, Попова и Набокова, давая следующую характеристику последнему: «Ярый футболист, отличный работник, товарищ, уважаемый на обоих флангах (Розов—Попов), всегда скромный, серьезный и выдержанный (хотя он не прочь пошутить), Набоков своей порядочностью производит самое благоприятное впечатление» (TsGIASP, f. 176, op. 1, d. 286). Цит. по: *Boyd B. Nabokov's Russian Years Revisited // Modern Russian Literature and Culture, Studies and Tesis. Berkeley Slavic Specialties. 1994. Vol. 33. P. 74.*

¹⁷ Ср. в «Других берегах»: «...силач Попов, *гориллообразный*, бритоголовый, *грязный*, но довольно добродушный мужчина-гимназист, — с ним даже боксом нельзя было совладать, — который ежегодно “оставался”, так что, вероятно, вся школа, класс за классом, прозрачно прошла бы через него, если бы в 14-м году он не убежал на фронт, откуда вернулся *гусаром*» (IV, 244).

¹⁸ Николай Николаевич Юденич (1862—1933) — генерал от инфантерии (1915), в 1919 г. — главнокомандующий белогвардейской Северо-Западной армией. С 1920 г. в эмиграции.

¹⁹ Вадим Шмурло родился 7 апреля 1899 г., поступил в Тенишевское училище осенью 1911 г. Отец Геннадий Францевич занимался сельским хозяйством и владел винокуренным заводом. Все интересы Вадима, по утверждению классного учителя, были «вне школьной работы. Очень рано для своего возраста стал увлекаться своей наружностью, костюмами и т. д. Отношения к товарищам все еще не вполне нормальны» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248, л. 160).

²⁰ Набоков и Шмурло все-таки еще встретились. На этот раз сам Набоков посетил больного и пьяного Шмурло, умиравшего в Ницце, в 1961 г. По воспоминаниям Набокова, в 1917 г. они играли с Шмурло в шахматы дома на Морской набережной, в то время как с Литейного доносились звуки перестрелки (*Field A. Nabokov: His Life in Part. P. 124.*)

²¹ Карл Неллис (р. 31 июля 1899 г., поступил в училище 1 сентября 1909 г.). Приблизительно к тому же времени относится неожиданное

посещение в Берлине матери героем набоковского рассказа «Звонок» (1927) по фамилии Неллис.

²² Николай Шустов — один из приятелей Набокова по школьным играм. В автобиографии Набоков называет его «трогательным товарищем, мешковатым зайкой с длинным бледным лицом» (IV, 206). Бывший репетитор Коли Шустова вспоминал: «Нескладно висят руки, одет так, что и не запомнишь, какая-то курточка, конечно, обыкновенная, а не форменная, гимназическая. Весь серый, лицо землистого цвета, вытянутое, нос длинный, глаза страдальчески-робкие. Вял, забит, нервен, говорит заикаясь, очень стеснителен» (*Розенталь Л. В.* Непримечательные достоверности // Наше наследие. 1991. № 1. С. 104—106).

²³ Пара зайк из набоковского класса появляется позже в классе Падука, в свите которого мы среди прочих узнаем Попова из Тенишевского училища: «...четвертый заикался с такой силой, что можно было сходить купить шоколадку, пока он одолевал начальную “п” или “б” <...> Пятый апостол был зайкой более изысканным, порок его речи принял форму дополнительного слога, следующего за критическим словом, подобно несмелому эхо. Охраной <Падука> ведал свирепый обезьянообразный молодчик, который в свои семнадцать лет не смог заучить таблицу умножения, но мог зато удерживать в воздетых лапах стул, на котором величаво восседал еще один апостол, самый жирный из учеников школы» (*Набоков В. Bend Sinister*. С. 358).

²⁴ Мемуары Набокова хранят атмосферу аристократического детства: «Начать день поездкой в новой машине значило начать его хорошо» (IV, 239). Там же: «Прежде всего я смотрел, который из автомобилей, “Бенц” или “Уользлей”, подан, чтобы мчать меня в школу. Первый из них состоял под управлением кроткого бледнолицего шофера Волкова; это был мышиного цвета ландолет. (А. Ф. Керенский просил его впоследствии для бегства из Зимнего дворца, но отец объяснил, что машина и слаба, и стара и едва ли годится для исторических поездок — не то что дивный рыдван пращурки, одолженный Людовику для бегства в Варенн)» (IV, 238).

²⁵ Грустно (*англ.*).

²⁶ Савелий (Саба) Кянджунтцев. В детстве Кянджунтцев считался вундеркиндом, в зрелости утратил былой блеск. Встреча одноклассников в 1932 г. в Париже была очень теплой, выяснилось, что Кянджунтцев прочитал все набоковские романы и даже одолжил ему на время публичных выступлений в Париже свой смокинг.

²⁷ Запечатлена на одной из немногих совместных фотографий одноклассников: на снимке в Париже (1932) вместе стоят С. Кянджунтцев, его сестра Ирина, Николас и Наталья Набоковы (кузен В. Н. и его жена), В. Набоков. Саба делится из игрушечного пистолетика. См.: Vladimir Nabokov: A Pictorial Biography. Ann Arbor, 1991. P. 64.

²⁸ Кянджунтцев владел небольшим кинотеатром в Париже и в 1939 г. поддерживал Набокова и его семью материально. Бойд сообщает о 1000 франках в месяц, которые тот давал Набокову (VNNRY, 511).

²⁹ Набоковская характеристика совпадает с мнением оставшегося неизвестным учителя, в сведениях об успехах Фаддея Лилиенштерна за 1912—1913 учебный год оставившего следующую запись: «В школе

в привычной обстановке, уже не так заметна прежняя нерешительность и беспомощность» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248). Фаддей Львович Лилиенштерн (р. 1900) был сыном директора акционерного общества «Азия-Каучук».

³⁰ Фотография — встреча тенишевцев в Берлине (ок. 1933): в ресторане за накрытым столом сидят ровно 12 человек, не считая Набокова во главе стола. Кянджунтцев — третий по правую руку от Набокова; среди собравшихся — четыре женщины. См.: Vladimir Nabokov: A Pictorial Biography. P. 65.

³¹ Григорий Рабинович родился 6 ноября 1901 г., поступил в Тенишевское училище в 1909 г. Отец Илья Григорьевич, потомственный почетный гражданин, был аптекарем.

³² Классный руководитель об Александре Гуревиче отзывался: «Не всегда аккуратный, мало внимательный ученик и оч[ень] легкомысленный для своих лет и класса мальчик» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248, л. 201). И категоричнее в графе «Рисование»: «Рисует плохо, неаккуратно, постоянно забывает все, что нужно для урока» (там же).

³³ В «Сведениях об успехах и поведении» учеников за 1912—1913 учебный год о Бекетове сохранилась следующая запись: «За последний семестр очень опустился; стал страшно легкомыслен, шумлив, болтлив; оч[ень] часто не отдает себе отчета в своих поступках, совершенно детских, а порой просто глупых» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248, л. 260).

³⁴ Рабинович Евгений Исаакович (1898, Петербург — 1973, Олбани) — биохимик и биофизик, писал стихи под псевдонимом Евгений Раич. Эмигрировал из Сов. России в 1920 г., в 1926-м защитил докторскую диссертацию в Берлинском университете. С 1939-го — в США, в 1944—1946 гг. сотрудничал в Манхэттенском ядерном проекте, с 1968 г. — профессор биологии и химии в университете Олбани, штат Нью-Йорк. Набоков мог встречаться с Рабиновичем на литературных собраниях в Берлине; последний входил с 1925 г. в Кружок русских поэтов в Берлине и участвовал в его сборниках «Новоселье» (1931), «Роща» (1932), «Невод» (1933). Как обозреватель русской поэзии Рабинович выступал в газете «Голос России» (Берлин, 1921—1922) и других эмигрантских изданиях.

³⁵ Ул. Моховая, 33 — адрес училища им. Тенишева в Петербурге.

³⁶ Дмитрий Карпович Педенко (1876—1942) — один из старейших наставников в Тенишевском училище, художник, он преподавал чистописание, рисование, лепку и гимнастику по совместительству.

³⁷ Савелий Гринберг родился 19 февраля 1896 г., в Тенишевское училище поступил в сентябре 1912 г.

³⁸ Поездка в Кембридж с Гринбергом была предпринята в феврале 1937 г. Кроме желания утолить ностальгию по годам студенчества, Набоков преследовал вполне практическую цель: подыскать ставку преподавателя в одном из университетов.

³⁹ В этом утрированном, но чистосердечном признании содержится секрет набоковского отказа от возвращения в Россию. Набоков мог позволить себе такую поездку позже (как это сделала, например, его сестра Елена Сикорская, летом 1972 г. побывавшая в Ленинграде). Идею описать подобный визит в СССР глазами своего alter ego Вадима Вадимовича Набоков

осуществил в последнем романе «Смотри на арлекинов!» с помощью впечатлений, которыми его снабдили сестра и американский славист Саймон Карлинский. Достоверность воссозданной эпохи, в свою очередь, дала пищу слухам, согласно которым писатель якобы инкогнито все-таки побывал в России. Сын писателя до сих пор вынужден объясняться по этому поводу; см., например, интервью с Д. В. Набоковым, приехавшим в Москву на премьеру фильма «Лолита» А. Лайна: «Уже в 70-е годы отца уговаривали приехать в СССР, но он не соглашался. Кто-то приписал ему частную секретную поездку в Россию — это легенда, такой поездки не было...» (Итоги. 1998. 10 марта. С. 66—68).

⁴⁰ Михаил Холмогоров родился 1 декабря 1900 г. Дата поступления в Тенишевское училище — январь 1910 г. Отец Иван Михайлович Холмогоров по специальности был инженером-технологом и служил адъюнкт-профессором.

⁴¹ Евгений Окс родился 13 марта 1900 г., поступил в Тенишевское училище в сентябре 1909 г. Отец Борис Абрамович принадлежал к сословию врачей, род занятий — редактор-издатель.

⁴² Ср. с пассажем из романа «Машенька» (1925): «Он <сверстник> рассказал мне, что есть на свете чудесные женщины, которые позволяют себя раздевать за деньги. Я не расслышал правильно, как он их назвал, и у меня вышло: принститутка. Смесь институтки и принцессы. Их образ мне казался поэтому особенно очаровательным, таким таинственным. Но, конечно, я вскоре понял, что ошибся, так как те женщины, которые вразвалку ходили по Невскому и называли нас, гимназистов, “карандашами”, вовсе меня не прельщали» (I, 64).

⁴³ Запоминающийся глобус венчал филиал фирмы «Зингер» на Невском пр., 28.

⁴⁴ Даже двойное цитирование сохраняет в целом чеховский текст, в котором монах, вернувшись из города, рассказывает, как среди пировавших стояла «полунагая блудница», и трудно было найти в природе «что-нибудь более прекрасное и пленительное, чем эта гадина, молодая, длинноволосая, смуглая, с черными глазами и жирными губами, бесстыдная и наглая...» (Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. 6. С. 8).

⁴⁵ Одноклассник ссудил Набокову свою фамилию для рассказа «Подлец» (1927).

⁴⁶ Давид Меерович (р. 9 апреля 1901 г.), как и все ученики неправославного вероисповедания в Тенишевском училище (благодаря ослабленному контролю за процентной нормой эту группу в основном составляли евреи), был освобожден от обязательного посещения уроков христианского богословия. В уставе либерального училища было записано: «Принимаются дети всех вероисповеданий и сословий». Согласно отчету за все семестры 1915—1916 г. из 360 учеников евреями были 96.

⁴⁷ Олег Харузин (р. 1899) происходил из семьи дворян; в Тенишевское училище поступил в одном и том же году с Набоковым. Учитель написал в личной карточке Харузина в конце учебного 1912—1913 г.: «Хотя и в работе и в поведении мальчика все еще наблюдаются шероховатости и недочеты, но несомненно, он работает над собой, и результаты этой работы заметны...» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248, л. 115). В списке учеников XI семестра (октябрь 1914—1915 г.) Набоков записан под номером девятым,

Харузин — под девятнадцатым (ЦГИА, ф. 176, оп. 3, д. 22). По обыкновению, Набоков вставляет фамилию своего подлинного знакомого в круг фиктивных героев в рассказе «Музыка» (1932).

⁴⁸ Александр Херкус родился 21 марта 1898 г., поступил в Тенишевское училище в 1908 г. Мать — Вера Абрамовна, отец — Евгений (Енох) Исаакович, купец Первой гильдии Санкт-Петербурга, служил в «I-м Обществе подъездных железных путей в России» (Регистрационные карточки // ЦГИА, ф. 176, оп. 3, д. 22). При переходе Херкуса из VIII в IX семестр наставник заметил, что тот «очень старается и желает работать, но небольшие способности и недостаток общего развития делают для него трудным проходимый курс. Много старания прилагает к тому, чтобы сгладить шероховатости своего поведения. Грубых выхонок не наблюдалось» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248).

⁴⁹ Сын фабриканта Лев Гордон (р. 1900), поступил в училище в 1910 г.

⁵⁰ Фамилию одноклассника — Фридман — Набоков вспомнил спустя 34 года, когда получил возможность перечитать свое письмо. Механизм воспоминания он называет в позднем письме к Розову — «ульями памяти»: «Перечитывая его <письмо> я заметил, что две-три детали уже освободили те кельи памяти, в которых старели. Но зато неожиданно и свежо вспоминалась фамилия симпатичного лохматого товарища нашего, который остался безымянным в письме 37 года: Фридман! Так работают странные чудные улья внутри нас» (Из письма В. Набокова С. Розову, 28.1.1971). Соломон Гиршевич Фридман (р. 22 октября 1898) на самом деле поздно поступил в Тенишевское училище — осенью 1915. Метафора «соты памяти» появляется у Набокова уже в сборнике «Горный путь» («Пчела», 1923).

⁵¹ Ср. в «Bend Sinister»: «Учитель математики <... , синеглазый и рыжебородый еврей» (Там же. 355). Вспоминая учителей на Моховой, *ассирийскую бороду* тенишевец О. Мандельштам приписывает другому: «гигиенист, профессор князь Тарханов, восточный барин с *ассирийской бородой*, на уроках физиологии ходил от парты к парте...» (Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам О. Египетская марка. Л., 1928). «Красивый ассириец с сине-черной бородкой» возникает затем в «Лолите».

⁵² Григорий Михайлович Фихтенгольц — преподаватель математики Тенишевского училища.

⁵³ В романе «Bend Sinister» жест носит инверсированный характер: «А потом иссохшая, вся в мелу, невероятно легкая губка впитывает воду, пока не становится сочной, как плод, и пишет блестящие черные арки по лиловой доске, стирая мертвые белые символы...» (350—351).

⁵⁴ День взятия Перемышля — 22 марта 1915 г. Город в Польше, бывшая австрийская крепость, узел важных железнодорожных и шоссежных дорог на Будапешт и Вену.

⁵⁵ Иван Никитич Кавун (р. 1874) служил преподавателем физики в Тенишевском училище (Личное дело // ЦГИА, ф. 176, оп. 2, д. 68). Кавун рикошетом попал в набоковский роман «Защита Лужина», завуалированный под фамилией «Арбузов» (по-украински «кавун» значит «арбуз»). Лужин сталкивается на русском балу с бывшим одноклассником по Балашевскому училищу Петрищевым, который, к ужасу шахматиста, начинает перебирать в памяти их общих знакомых: «А как на вечеринке ока-

залось, что Арбузов умеет играть на рояле? Помните, как у него никогда опыты не выходили?» (II, 166). Таким образом становится известна точная дата и даже музыкальный опус, сыгранный эпизодическим Арбузовым-Кавуном в романе.

⁵⁶ Гиппиус Владимир Васильевич (1876—1941) — учитель литературы Набокова в последние два года его учебы в Тенишевском училище. Поэт (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский). Штатный преподаватель в училище им. Тенишева с 1906 г. (в мае 1917-го назначен его директором, после Октябрьской революции до июля 1920 г. — председатель школьного совета). В 1913 г. становится постоянным автором историко-литературных статей в петербургской газете «Речь», где сотрудничает В. Д. Набоков. В «Других берегах» Набоков отзывался о Гиппиусе: «...один из столпов училища, довольно необыкновенный рыжеволосый человек с острым плечом (тайный автор замечательных стихов)...» (IV, 241).

⁵⁷ «Был он большой хищник, этот рыжебородый огненный господин, в странно узком двубортном жилете под всегда расстегнутым пиджаком, который как-то летал вокруг него, когда он стремительно шел по рекреационной зале, засунув одну руку в карман штанов и подняв одно плечо» (IV, 264).

⁵⁸ Цитата из стихотворения «Анчар» Пушкина.

⁵⁹ Константин Каэтонович Вроблевский — учитель рисования в Тенишевском училище (Личное дело // ЦГИА, ф. 176, оп. 2, д. 36).

⁶⁰ Возможно, здесь имеется в виду Лазарь Владимирович Розенталь (1894—1900), окончивший Тенишевское училище в 1912 г. и репетировавший в 1916 г. Набокова по математике. Какое-то время в училище преподавал историю и литературу Николай Николаевич Розенталь. Фамилия перешла в усеченном виде в фиктивный мир набоковских произведений. Одного из одноклассников Лужина, пришедшего на день рождения к будущему грессмейстеру, зовут Розен (здесь может звучать и фамилия Мули). На вопрос, с кем из соучеников по Тенишевскому училищу встречался его отец в Европе, Д. В. Набоков отвечает, сублимируя всех троих: «Долго переписывался с одним, который уехал в Израиль. Не помню, как его звали. Розен? Нет, был еще один. Некоторые его письма я включил в книгу корреспонденций. Кроме этого — нет» («Набоков Д. Запись выступления в Национальной Российской библиотеке. С.-Петербург, 12 июня 1995 г. // Звезда. 1996. № 11. С. 7).

⁶¹ Вера Леонидовна Симонова — учительница французского языка в Тенишевском училище (Расписание уроков в Тенишевском училище на I-е полугодие 1914/15 уч. г. // ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 159).

⁶² Набоковский эпитет «бесконечная» к повести французского писателя Проспера Мериме (1803—1870) «Коломба» (1840) в ретроспективе относится, вероятно, не к объему (около 130 страниц), а ко времени прохождения произведения на уроке и манере писателя в целом, с предсказуемым сюжетом и вялой моторикой его повествования.

⁶³ Первый печатный спортивный комментарий о Набокове-футболисте принадлежит перу его одноклассника: «Из новых игроков красивую игру показал подающий надежды голкипер Набоков» (*Канджунтцев С. Тенишцы и футбол* // Юная мысль. 1916. № 6. С. 25).

⁶⁴ В рассказе «Лебеда»: «...около умывальника одиноко висело донельзя замаранное, донельзя склизкое полотенце, — вернее, труп полотенца, прошедшего через множество мокрых, мнущих торопливых рук» (II, 357); в воспоминаниях: «Меня обвиняли <...> в категорическом отказе пользоваться отвратительно мокрым полотенцем <...> в умывальной...» (IV, 241).

⁶⁵ В рассказе «Лебеда»: «Он <Пути> опоздал на первый урок, — долго стоял с поднятой рукой за стеклянной дверью, но в класс не был впущен, — и пошел слоняться по залу...» (II, 359).

⁶⁶ Русский спортивный клуб в Берлине был организован в ноябре 1931 г., и главным его предприятием стала немедленная организация футбольной команды с Владимиром Набоковым на воротах. 14 февраля был сыгран первый матч против одного из немецких клубов. Всего через несколько игр и спустя несколько недель в 1932 г. сборная играла с агрессивной германской командой заводских рабочих. В борьбе за мяч, в результате удара, Набоков лишился сознания — «когда меня замертво унесли с поля». «После того, как он сломал ребро, — вспоминала Вера Набокова, — мне пришлось решительно вмешаться» (VNRY, 377). С футболом было покончено, правда, только на поле. Майкл Ченовет связывает также некоторые проблемы со здоровьем у Набокова в зрелые годы с упомянутым футбольным инцидентом. (On the rigins of Nabokov's Neuralgia // The Nabokovian. 1996. № 36. P. 13).

⁶⁷ Статья очевидца подтверждает не отличавшуюся изощренной техникой игру Попова: «Этот матч <между командами среднеучебных заведений Петрограда на кубок им. Суворина в сентябре. — Ю. Л. показал нам всю важность тренировки на поле и бесполезность игры на маленьком дворе. Такие игроки, как Попов, которые на нашем дворе легко перебрасывают мяч с одного конца двора на другой, и то и дело закидывают его на крышу, на поле совсем не оправдали возлагаемых на них надежд» (Кянджунтцев С. Тенишевцы и футбол. С. 25).

⁶⁸ Описание двора Тенишевского училища эхом повторяется в сопроводительном послании Розова, когда спустя много лет, в 1971 г., выслав копию палестинского письма 1937 г. биографу, он пишет самому Набокову: «Ты, вероятно, забыл это письмо и прочитаешь его с большим волнением. Перечитав это письмо, я перенесся на Моховую, 33, вошел через крытый проход во двор, слева высокая стена, отделяющая воеводский двор, направо приподнятая оранжерея у соседней лестницы школы с Тенишевским залом. Письмо полно драгоценных картинок (“кисель с алюминиевыми ложками”) и изумительно четкими портретами. Чтение этого письма вызовет у тебя взрыв новых воспоминаний. Как я понимаю, Филд сейчас с тобой, и он будет рад собрать осколки после этого взрыва» (Ср. в «Даре»: «Какому биографу склеить эти осколки?» — III, 253).

⁶⁹ Пространство двора, описание игры и мяча в футбольной главке в романе Набокова «Bend Sinister» почти дословно повторяют воспоминания Набокова о футболе тенишевского периода в письме к Самуилу Розову.

⁷⁰ В другой заметке «День в школе (повседневщина)» наблюдательный С. Кянджунтцев запечатлел: «Не унывали только футболисты и по шее в грязи копошились на небольшом грязном дворе. Успокоились они только тогда, когда кто-то перекинул мяч через стену и уже нечем было играть» (Юная мысль. 1916. № 7. С. 20).

⁷¹ Сигизмунд Билинский (р. 1898). Классный руководитель записал в его личной карточке: «Хороший товарищ. К старшим относится сдержанно и корректно» (ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 248, л. 154).

⁷² Ср. в статье Кянджунтцева: «В нашей команде совсем не пользовались пасовкой, что собственно составляет сущность хорошо сыгранной команды и чем очень хорошо владели наши противники. Отдельные же наши игроки играли часто очень хорошо. Из старых игроков нужно, конечно, упомянуть о превосходном крайнем форварде Билинском...» (*Кянджунтцев С. Тенишевцы и футбол*. С. 25).

⁷³ Ср.: «...в последних числах марта<...> В классе было отворено большое окно, воробы садились на подоконник, учителя пропускали уроки, оставляя вместо них как бы квадраты голубого неба, с футбольным мячом, падавшим из голубизны» (III, 96).

⁷⁴ Ср.: «...настоящий футбол с красной печенью, плотно заправленной под *кожаный корсет* <ср. в письме Розову: «этот *настоящий* футбольный мяч с *красной печенью* под *шнуровкой кожаного корсета*»>, с именем английского изготовителя, пересекающим аппетитные ломти его жесткой и звонкой округлости...» (*Набоков В. Bend Sinister*. С. 351).

⁷⁵ Роман Пинес родился 13 марта 1901 г., поступил в Тенишевское училище в январе 1910 г. Родители — отец Яков Рафаилович (купец) и мать Анна Ивановна — почетные граждане.

⁷⁶ Линцер Герман Федорович (Линстер у Набокова), директор Тенишевского училища, проживавший в его здании. На посту директора был смещен учителем литературы В. В. Гиппиусом.

⁷⁷ Похожая метафора в мистическом контексте появляется в раннем рассказе Набокова «Удар крыла» (1923), где описывается появление огромного ангела, которого герой запирает в шкаф и по возвращении не обнаруживает: «Только вихрь пахучего пуха. Бурные маслянистые хлопья заклебулись по комнате» (*Набоков В. Неизданное в России* // Звезда. 1996. № 11. С. 19).

⁷⁸ Веру, как еврейку, в Германии уволили с работы, Набоков в связи с переездом лишился учеников и зарабатывал публичным чтением своих произведений на эмигрантских литературных вечерах. Осенью 1937 г. шли напряженные переговоры с редакцией журнала «Современные записки» по поводу публикации «Дара» (один из редакторов, Руднев, наотрез отказывался печатать главу «Жизнь Чернышевского»). В первых числах сентября Набоков ждет известий от американского издательства «Боббс-Меррил» по поводу приобретения прав на публикацию романа «Камера обскура» (VNRY, 445).

⁷⁹ Единственный сын Набоковых, Дмитрий, родился в Берлине 10 мая 1934 г.

⁸⁰ В Канны Набоков приехал 7 июля 1937 г.

⁸¹ Тема «Набоков и немцы» критиками затрагивалась, в частности, в связи с «Даром», где в известном эпизоде герой думает о немецкой пошлости, наблюдая в трамвае за пассажиром бюргерского вида до тех пор, пока тот не достает из портфеля русскую газету. После войны отношение Набокова к немцам усугубилось. В рассказе-пародии «Жанровая сцена, 1945» на вечере пронацистски настроенных американцев одна из собеседниц говорит: «Да и вообще чересчур много говорят о возмездии немцам. Они

ведь тоже люди. Всякий чуткий человек согласится с вашими словами о том, что они не виноваты в этих так называемых злодействах, большая часть которых, наверное, выдумана евреями. Не могу спокойно слышать, как люди продолжают еще разглагольствовать о печах и пыточных камерах, которые, если вообще существовали, обслуживались горсткой таких же сумасшедших, как Гитлер» (Новый журнал. 1997. № 205. С. 46. Пер. Г. Барабтарло).

⁸² Вера Евсеевна Набокова (дев. фамилия Слоним), (1902, Петербург — 1991, Монте). Набоковы поженились в Берлине 15 апреля 1925.

⁸³ Ср. в рассказе «Лебеда»: «...слушал легкое жужжание тишины <...> Свет электрических ламп, по-утреннему глухой и желтый<...> За цельными окнами с однообразной, бесплодной грацией валил мягкий и медленный снег» (II, 354). Петербургская зима в «Машеньке»: «Валил отвесно крупный мягкий снег в сером, как матовое стекло, воздухе» (I, 83).

⁸⁴ Журнал «Юная мысль» издавался учениками Тенишевского училища. Набоков какое-то время входил в редакционный совет журнала и подписывался под передовицами, написанными, как считает Б. Бойд, под влиянием В. В. Гиппиуса (*Boyd V. Nabokov's Russian Years Revisited*. P. 74).

⁸⁵ Григорий Рашаль родился 8 октября 1899 г., в Тенишевское училище поступил в мае 1909 г. Отец Лейба Шлемович Рашаль был дантистом и коммерсантом. На петроградской фотографии 1915 г. участников сионистского гимназического кружка «Ха-Хавер» он сидит в одной группе с Мулей и Йехудит Розовыми.

⁸⁶ Неточная цитата из стихотворения С. Я. Надсона «Верь, — говорят они, — мучительны сомненья!...», оканчивающегося следующими строками: «Мне душно будет жить, мне стыдно будет жить, — / И, полный гордости и мощного презренья, / Цепь бледных дней моих, без слез и сожаленья, / Я разом оборву, как спутанную нить!...». Ср. у О. Мандельштама в главе «Тенишевское училище»: «Главным сьемщиком тенишевской аудитории был литературный фонд, цитадель радикализма, собственник сочинений Надсона<... У него был точно разработанный годичный календарь... праздновались дни смерти и дни рождения, если не ошибаюсь: Некрасова, Надсона, Плещеева, Гаршина, Тургенева, Гоголя, Пушкина, Апухтина, Никитина и прочих».

⁸⁷ Николай Мальцев, учитель географии в Тенишевском училище.

⁸⁸ Лазарь Игоголевич (р. 1 апреля 1900 г.) учился в одном классе с Сергеем Набоковым. Игоголевич появляется в виде эпизодического персонажа в романе «Подвиг»: «Игоголевич оказался толстым, бородатым человеком в сером вязаном жилете и в потрепанном черном костюме, с перхотью на плечах» (II, 215). Нелестный комментарий об Игоголевиче оставил и учитель Тенишевского училища: «Задира, но жалуется (лгун)» (Сведения об успехах и поведении учеников XI с<еместра>, за II полугодие 1915/16 г. // ЦГИА, ф. 176, оп. 1, д. 288, л. 53).

⁸⁹ Ср. «Дар»: «Когда и случается, во сне, так пропутешествовать, то на границе прошлого обесценивается весь твой нынешний ум, и в обстановке класса, наскоро составленной аляповатым бутафором кошмара, опять не знаешь урока — со всею забытой тонкостью тех бывших школьных мук» (III, 47) и «Bend Sinister»: «Сон изобилдовал фарсовыми анахронизмами <...> этот всем нам знакомый неотвязный сон (когда попадаешь в свой старый класс,

а домашнее задание не сделано, потому что ты нечаянно прогулял десять тысяч дней)...» (Там же. С. 349).

⁹⁰ Встретиться удалось, но спустя четверть века: в 1962 г. Розов посетил В. Набокова в Церматте. Набоков назвал эту встречу «полной победой над временем». Набоков намеревался приехать в Израиль с ответным визитом, к которому велась серьезная подготовка, но этим планам не суждено было сбыться. В 1975 г. умер Розов, а в 1977 г. — Набоков. См.: *Zavyalov-Leving Y. Phantom in Jerusalem, or the History of an Unrealized Visit // The Nabokovian. 1996. № 37.*

